

УЖЕ НЕ ПЕРВОЕ десятилетие на сценах театров нашей страны и за рубежом с неизменным успехом идут спектакли по пьесам В. С. Розова «В добрый час» и «Вечно живые», «В день свадьбы» и «В поисках радости». Многие другие произведения драматурга не стареют с годами, интересны зрителям самого разного возраста.

Постоянный в своем внимании к меняющемуся миру молодежи, Виктор Сергеевич Розов так же внимателен к теме долга человека перед лучшим в себе самом, к теме верности человека своему истинному призванию. В этом — секрет успеха его творчества.

Предлагаем вашему вниманию беседу с драматургом В. С. Розовым.

— Виктор Сергеевич, во многих ваших пьесах, в том числе и в новой — «Гнездо глухаря», фигурирует совсем молодой герой — старшеклассник, выпускник, абитуриент с присущим ему юношеским максимализмом, неприятием фальши. Почему именно этот возраст вы полюбили и избрали для художественного анализа?

— Этот вопрос мне часто задают. Сначала я говорил, что о молодом поколении интересно писать, потому что ему принадлежит будущее. Потом я глубже задумался над этим вопросом. Когда парень или девушка «ваходят в возраст» — это особое психологическое состояние, при котором идет бурный процесс формирования личности. Понимание мира молодым человеком в это время еще очень несложное, а реакция на явления жизни у него страшно бурная. И вот это столкновение рождает юношеский максимализм, столь «выгодный» для драмы.

Он существовал во все времена и будет, надеюсь, существовать всегда. Но с возрастом человек меняется. Он начинает понимать, что жизнь гораздо сложнее всяких умственных построений. И одно лишь эмоциональное восприятие мира не может быть прямой стимулом к действию.

— В ваших пьесах очень остро стоит вопрос «отцов и детей». Причем, дети часто оказываются чище, чем ли, своих родителей. Возникает вопрос: могут ли дети положительно влиять, «воспитывать» своих родителей в определенном смысле слова?

— Почему дети бывают порой лучше отцов — вопрос, конечно, не простой. Может быть, ответ заключается в том, что этот самый юношеский максимализм дает возможность проявиться лучшим чувствам в самом открытом виде, не затушеванном никакими побочными соображениями, которые очень часто бывают у взрослых. Но в моих пьесах достаточно и умных взрослых.

Если мы обратимся к мировой литературе, то увидим, что герой чаще всего молод. Сколько лет

ЭТОТ «ОПАСНЫЙ» ВОЗРАСТ

было Базарову? Сколько лет Чацкому, Жадову? Это все очень молодые люди. Они-то идеалисты и максималисты — и вступают в спор со всеми темными сторонами мира.

Влияют ли дети на своих родителей? Бесспорно. И если родители — неглупые люди, то они учатся у своих детей многому. Во-первых, дети дисциплинируют. На глазах у детей мы не имеем права распускаться, нехорошо вести себя. Перед кем я больше всего чувствую ответственность, когда пишу свои пьесы? Пожалуй, перед детьми. Это главные мои нравственные критики. Современная молодежь открытая. Она легко вступает со своими родителями в откровенные отношения. И мне это нравится, если, конечно, такие отношения не переходят в хамство, грубость. Но для того, чтобы этого не случилось, прежде всего должны быть на высоте мы сами — взрослые.

— Ваш юный герой часто стоит на распутье, перед выбором жизненного пути. Какова, по вашему мнению, роль старших в этом выборе?

— К сожалению, родители еще нередко дурно влияют на выбор пути своих собственных детей. В таких случаях только очень одаренные и сильные юные натуры выстраивают против натиска взрослых и находят самостоятельно свой путь. Несколько лет назад я смотрел свою старую пьесу о выборе пути «В добрый час» в Японии. И меня поразило, что японский молодой зритель принимал ее точно так же, как и московский. После спектакля ко мне подо-

шли зрители мы разговорились и я спросил: «Почему вы так горячо принимаете этот спектакль?». «Ну, а как же, — ответила японская девочка-старшеклассница, — ведь это о нас. Взрослые от нас требуют практического отношения к жизни, а мы хотим пока еще жить своими идеальными представлениями о мире. Нам продлить хочется это свое отношение к миру»... — Значит, вы считаете, что

распространилась лишь на небольшую часть людей. Скажем, русская интеллигенция всегда отличалась скромностью. Что было у старого русского интеллигента дома? Несколько вещей дорогих тем, что они от деда, прадеда или, может быть, потому, что они просто красивые. А, в основном, это книги, лампа, железная кровать. Вспомним кабинет Льва Толстого в Ясной Поляне,

профессией, которую далеко не каждый выбирает по истинному призванию. К сожалению, есть у нас и плохие учителя. Откуда они берутся? Это проблема, тема отдельного разговора. Наряду с этим множество педагогов, которые остаются на всю жизнь в памяти, как друзья и подлинные воспитатели. Мне повезло с учительницей русского языка и литературы Евгенией Николаевной Перкон. Я с ней дружил всю жизнь. Она умерла в этом году. Вот сейчас я отдал в журнал «Юность» главу о ней из книжки, которую сейчас пишу.

— Но школьники общаются не только с учителями, но и между собой...

— Вот как раз эта среда влияет на формирование личности молодого человека очень часто гораздо сильнее, чем учителя и родители. Это проблема очень сложная, интересная и важная. Нередко родители сами отталкивают от себя детей, вынуждая их искать среду общения вне дома, вне семьи. Достаточно прийти в современную квартиру небольшой компании ребят, как уже мать бросается на них: «Куда вы целой оравой? Я только что прибралась. Ну-ка марш отсюда на улицу». Это же очень частое явление! Родители берегут ковер, вазу, они берегут чашку, но не берегут детей.

— Виктор Сергеевич, вас ведь тоже можно назвать педагогом: вы ведете семинар драматургии в Литературном институте. Приносит ли вам удовлетворение роль наставника?

— Да, приносит. Урожай небольшой, но, сами понимаете, драматургом надо родиться. Выучиться на него нельзя, даже если ты будешь учиться двадцать пять лет. Но общение с молодежью приносит мне большое удовлетворение. И я стараюсь в ней пробудить то, что кажется очень важным не только для драматургии, для литературы, но и вообще для жизни, для любой сферы деятельности. Будут ли мои студенты драматургами, или сотрудниками управлений культуры, редакторами, заглавными театров, прежде всего стараюсь привить им любовь к тому прекрасному делу, которое называется драматургия, театр. И какую-то отдачу я, бесспорно, получаю. Много пьес моих учеников поставлено в республиканских театрах. Пьеса студента Малягина «НЛО» уже идет в «Современнике». Есть у меня и другие способные, интересные ученики.

Беседу вел
Э. БЕЛЕВСКАЯ.

● ПИСАТЕЛЬ И ШКОЛА

выбирающему дорогу надо искать?

— Или искать, или углубляться в ту профессию, которую он избрал, потому что в любой профессии нет дна.

Большинство, конечно, хочет идти туда, где ему интересно. А где ему будет интересно, это вопрос очень индивидуальный. На любом месте человеку может быть хорошо и может быть плохо. Станет ли он плохим инженером, либо плохим актером, который не будет иметь ролей, ему будет одинаково плохо. Это очень сложно — найти себя. Что тут может помочь, трудно сказать. Я, например, своим детям, когда они выбирали свой путь, предоставлял полную свободу.

— А как складывался ваш собственный творческий путь? Сразу ли вы нашли себя?

— Я поблуждал по жизни очень много. Переменял массу профессий. И мне везде было интересно. Писать начал очень поздно — в 36 лет. А до этого времени чем только не занимался!

— Пафос ваших пьес неизменно направлен против культа вещей. В пьесе «В поисках радости» мальчик в ярости рубит саблей полированную мебель. И в этом — большой символический смысл. В чем, по-вашему, корни вещизма? Изменилось ли что-нибудь сейчас в данной проблеме?

— Когда я писал пьесу «В поисках радости» более двадцати лет назад, это явление у нас только начало проявляться. Сказался бурный рост благосостояния. Сегодня для многих начинается испытание на сытость. Я заметил, что эта «болезнь»

кабинет Гёте, Шиллера в Веймаре! Насколько там все скромно. Зато как много мыслей, фантазии. А посмотрите иные современные квартиры. Чего в них только ни набито! Духовный вакуум их владельцы компенсируют обилием вещей.

— Ну, а на детях как это сказывается?

— Дети духовно богатых людей редко становятся барахольщиками. А дети барахольщиков — часто барахольщики в кубе. Они уже школьниками требуют себе модные дубленки, фирменные сапожки, фирменные джинсы. Я не против модных дубленок и сапожек. Но никогда настоящему интеллигентному человеку, а не псевдоинтеллигентному значению. Вы, наверно, слышали знаменитую историю про Эйнштейна. Когда молодой Эйнштейн ходил в драгом пальто, ему говорили: «Что это вы в таком пальто ходите?». Он отвечал: «Ну, кто меня знает?». Когда он стал великим человеком, то продолжал ходить в таком же пальто и говорил тогда: «Не все ли равно, меня ведь все знают...».

Воспитывать в детях пренебрежительное отношение к вещицизму — это вопрос чрезвычайной важности.

— Виктор Сергеевич, понятно, что нравственное воспитание должно начинаться с детства и продолжаться всю жизнь.

Какую роль в связи с этим вы отдаете школе в нравственном воспитании юных, в воспитании духовных ценностей?

— То, какими станут нынешние дети завтра, во многом зависит от учителя. Сегодня высокое звание — учитель стало

УЧИТЕЛЬСКАЯ ГАЗЕТА
г. МОСКВА
- 6 МАР 1980